

The New York Times

CLASSICAL MUSIC REVIEW

Songs From Mother Russia, Delivered by a Native Son

By Anthony Tommasini

March 21, 2005

It has long been accepted in the field of opera and vocal music that as the world has gotten smaller and artists have maintained jet-setting international careers, national styles of singing have been losing their distinctiveness. Yet the splendid recital at Carnegie Hall on Friday night by the Siberian-born baritone Dmitri Hvorostovsky, accompanied by the formidable pianist Ivari Ilja, was a reminder that for some artists being a Russian singer really means something.

Mr. Hvorostovsky can be wonderful in Italian opera and in French roles, like Valentin in Gounod's "Faust," which he will sing in the Metropolitan Opera's new production next month. But in sets of Russian songs by Tchaikovsky, Mussorgsky and Rachmaninoff, the charismatic Mr. Hvorostovsky sang peerlessly, bringing to his performances an authoritative feeling for the style, a deep sense of culture and an instinctive ability to match vocal and linguistic colorings.

Some in the audience may have wondered why he chose to sing so many songs on themes of death, despair and isolation. You could imagine him answering: "I am Russian. Need I say more?"

He got right to the point in the opening song by Tchaikovsky, "Death." The poetic text, by Dmitri Merezhkovsky, hails death as a new dawn, the end of a battle. Intriguingly, Tchaikovsky sets the text to a wistful, major-mode waltz.

The combination of Mr. Hvorostovsky's voice, with its dusky colorings, grainy texture and melancholic cast, and the yearning attitude he conveyed lulled you into a state in which you were ready to be guided to "death with a smile," as the text states. Especially if Mr. Hvorostovsky were to be your guide.

He was equally fine in four other Tchaikovsky songs and in a set of mercurial and rhapsodic Rachmaninoff songs. But the high point was the performance of Mussorgsky's

"Songs and Dances of Death." Here death appears as a disarming character who sings and dances his way into the lives of his victims: a sickly baby, a fatally ill young woman, a drunk passed out in a wintry forest and a whole field of soldiers. In the best sense, Mr. Hvorostovsky was lost to himself, caught up in every moment of the music and the stories, singing with such conversational power that you would have thought he was speaking.

To remind us that he is not just a Russian singer, he gave elegant accounts of five exquisite French songs by Duparc and, for his first encore, an openhearted rendition of "Mariu," a Neapolitan song. But with his final encore, he was back on message, singing a hauntingly beautiful solo performance of a soulful Russian folk song. He didn't say what it was or what it was about. It didn't matter.

[Songs From Mother Russia, Delivered by a Native Son - The New York Times \(nytimes.com\)](https://www.nytimes.com/2008/01/16/arts/music/16hvorostovsky.html)

ПЕРЕВОД

Песни Матери-России, Исполненные Её Родным Сыном

Anthony Tommasini

Март 21, 2005

В области оперной и вокальной музыки давно считается, что, по мере того, как мир становится теснее, а артисты продолжают делать стремительные международные карьеры, национальные стили пения теряют свою самобытность. И всё же великолепный концерт Дмитрия Хворостовского в сопровождении невероятного пианиста Ивари Илия в Карнеги Холл в пятницу вечером напомнил, что для некоторых артистов быть русским певцом действительно что-то значит.

Господин Хворостовский может быть замечательным в итальянской опере и во французских ролях, как Валентин в "Фаусте" Гуно, который он споёт в новой постановке Метрополитен опера в следующем месяце. Но в подборке русских романсов Чайковского, Мусоргского и Рахманинова харизматичный господин Хворостовский пел бесподобно, привнося в свои выступления подлинное чувство стиля, глубокое чувство культуры и интуитивное умение сочетать вокальные и языковые оттенки.

Некоторые из слушателей, возможно, недоумевали, почему он решил петь так много песен о смерти, отчаянии и одиночестве. Можете представить его ответ: "Я русский. Этим сказано всё."

Он сразу перешёл к сути в первом же романсе Чайковского "Смерть". Поэтический текст Дмитрия Мережковского приветствует смерть как новый рассвет, конец битвы. Удивительно, что Чайковский положил этот текст на мелодию печального мажорного вальса.

Сочетание голоса господина Хворостовского с его тёмными красками, чёткой текстурой и меланхоличным оттенком и переданной им тоской убаюкивало вас до состояния, в котором вы были готовы "смерть с улыбкою встречать", как говорится в тексте. Тем более, если вашим проводником будет господин Хворостовский.

Он был одинаково хорош и в четырёх других романсах Чайковского, и в серии подвижных и жизнеутверждающих песен Рахманинова. Но кульминацией стало исполнение "Песен и

плясок смерти" Мусоргского. Здесь смерть предстаёт коварным персонажем, который с песнями и плясками входит в жизни своих жертв: умирающего ребёнка, смертельно больной молодой женщины, пьяницы, заснувшего в зимнем лесу, и целой армии солдат. В самом лучшем смысле мистер Хворостовский был погружён в себя, поглощён каждой минутой музыки и историй, пел с такой силой воздействия, что можно было подумать, будто он говорит, а не поёт.

Чтобы напомнить нам, что он не только русский певец, он элегантно представил пять изысканных французских песен Дюпарка и свой первый бис – искреннее исполнение неаполитанской песни "Мариу". Но с последним выходом на бис он вернулся к теме концерта, завораживающе исполнив без сопровождения проникновенную русскую народную песню. Он не сказал, что это за песня и о чём она. Но это не имело значения.

Перевод с английского Н. Тимофеевой